

Чжоу Хань был еще ребенком и от страха не смел даже пошевелиться. Лишь тогда Сунь Цэ, пряча нож за улыбкой, медленно произнес. Глядя прямо на Чжоу Юя, он обратился к мальчику:

— Чжоу Хань, поставь масляную лампу и ступай вон.

Чжоу Хань поспешно исполнил приказ, в несколько шагов выскочил из комнаты и, захлопнув дверь, исчез, словно дым. Увидев это, Чжоу Юй в сердцах воскликнул:

— Нерадивый слуга!

Тем временем у ворот поместья Лу стоял, робея, Лу Су. Перед ним возвышалась женщина, и этой женщиной была мать Чжоу Юя.

— Господин Лу Су, не стоит стольких церемоний, — проговорила она.

Лу Су ответил:

— Я лишь младший, как смею я принимать столь ценные дары? — при этих словах он обернулся и бросил взгляд на свою жену, которая с радостью перебирала шелка, подаренные старой госпожой Чжоу. — Но все же, позвольте проводить вас.

Госпожа Чжоу улыбнулась:

— У меня есть просьба к господину Лу Су, и это можно считать ответным даром.

Лу Су поспешно поклонился:

— Не смею и надеяться на подобное, но если у госпожи есть приказ, я выполню его без колебаний.

Госпожа Чжоу улыбнулась вновь:

— Господин Лу Су, мой непутевый сын и господин Сунь...

Лу Су, натянуто улыбаясь, перебил её:

— Чжоу Гунцзинь еще молод, а уже стал Великим дуду. Он невероятно талантлив, а с господином Сунем их связывает лишь братская дружба, ничего более...

Однако госпожа Чжоу не приняла этих слов и прямо заявила:

— Юй — единственный сын клана Чжоу. Его отец всегда мечтал, чтобы сын создал семью и нашел свое место в жизни, но сейчас мысли Юя, боюсь, заняты другим. Потому-то я и хочу просить вас о помощи...

Лу Су подумал про себя: Кого вздумается любить Чжоу Гунцзиню, мне, Лу Цзицзину, того не изменить...

Не дождавшись ответа, госпожа Чжоу продолжила:

— Если найдется достойная девушка из хорошей семьи, прошу вас, господин Лу Су, вразумите его. Вы сами человек семейный и должны понимать: в некоторых делах не обязательно быть прямолинейным. Важен лишь результат, а на то, как он достигнут, можно закрыть глаза.

Лу Су немедленно поклонился:

— Я со всем почтением приму наставление госпожи и буду присматривать для Гунцзиня подходящую невесту.

В комнате Сунь Цэ прижал Чжоу Юя к столу. От самого Сунь Цэ разило вином, и он с игривым интересом наблюдал за пленником. Ворот его одежды распахнулся, обнажая ключицы и мышцы груди — это зрелище заставило сердце Чжоу Юя биться в бешеном ритме. Внезапно Сунь Цэ наклонился к самому уху юноши и низким, вкрадчивым голосом прошептал:

— Где бы ты ни был, даже если не в поместье Сунь, ты должен мне прислуживать. Запомнил?

Чжоу Юй долго пытался вырваться, но не сдвинулся ни на дюйм — сил у него было куда меньше, чем у этого грубияна, к тому же пьяный Сунь Цэ становился лишь упрямее. Чжоу Юй сверкнул глазами:

— Отпусти меня, ты, сущий...

Сунь Цэ приподнял бровь и рассмеялся:

— Бранишься? Не боишься нарушить военный устав?

Чжоу Юй внезапно укусил Сунь Цэ за руку. Тот поморщился и разжал пальцы. Чжоу Юй хотел было снова назвать его подлым и бесстыдным, но, увидев след от зубов, из которого проступила кровь, почувствовал укол жалости и промолчал.

Сунь Цэ, развернувшись, сел на край кровати и протянул руку к Чжоу Юю. С насмешливым, развязным видом он потребовал:

— Ты меня укусил, так что будь любезен — исправляйся.

Чжоу Юй, не говоря ни слова, достал целебный порошок и послушно опустил на колени, со всей почтительностью нанося мазь на руку Сунь Цэ. Тот с довольной улыбкой наблюдал за ним. Чжоу Юй проворчал:

— Нечего было меня задирать.

Сунь Цэ рассмеялся еще громче:

— О? Так это причина, по которой ты решил меня укусить?

Чжоу Юй, закончив с повязкой, поднял взгляд и прошипел:

— Даже кролик кусается, если его загнать в угол.

Сунь Цэ внезапно рванул Чжоу Юя на себя и, придвинув к лицу, решил припугнуть его:

— А ты знаешь, какая кара ждет за убийство господина?

Чжоу Юй вздрогнул:

— Неужели всё так серьезно? Я всего лишь слегка укусил, выступила пара капель крови.

Сунь Цэ изогнул губы в усмешке:

— Похоже, ты не понимаешь, насколько это больно. В таком случае...

Он резко повалил Чжоу Юя на кровать и, навалившись сверху, слегка прикусил его за шею. Чжоу Юй вскрикнул от боли и попытался оттолкнуть его, но Сунь Цэ поднялся и со смехом произнес:

— Видишь? Я еще даже крови не пустил, а ты уже недоволен.

Чжоу Юй прикрыл шею одеялом:

— Это не то, о чем ты подумал.

Сунь Цэ внезапно что-то заметил и, хлопнув рукой по кровати, произнес:

— Похоже, госпожа Чжоу тебя и впрямь балует. Ты ведь застелил её мехом снежной лисицы?

Чжоу Юй откинул край одеяла — так и есть. Для чиновника пользоваться вещами, не положенными по рангу, было равносильно измене. Боясь, что Сунь Цэ воспользуется этим как предлогом, Чжоу Юй поспешно соскочил с кровати и поклонился:

— Бофу, не беспокойся, я прикажу немедленно убрать его и отправить тебе.

Сунь Цэ с интересом наблюдал за ним. Почему Чжоу Юй всегда начеку? На самом деле, Сунь Цэ прекрасно знал, что это не подарок госпожи Чжоу, а прихоть его собственной матери — у самого Сунь Цэ была точно такая же подстилка. Он просто хотел поддразнить Чжоу Юя, не ожидая, что тот так перепугается обвинений в дерзости.

Сунь Цэ расхохотался:

— Не нужно. У меня есть такая же. Гунцзинь, отдыхай.

Чжоу Юй проводил его поклоном и, переведя дух, сел на кровать.

Зима в этом году выдалась снежной и красивой. Перед самым праздником Весны Сунь Цюань и Сунь Мэй, радуясь снегу, носились повсюду: то в снежки играли, то требовали у слуг петарды. Сунь Цэ и Чжоу Юй были заняты военными делами, налогами и набором рекрутов, едва успев закончить всё к началу праздника.

В канун Нового года в поместье собрались все приближенные к семье военачальники, чтобы возжечь благовония перед духом покойного Сунь Цзяня и разделить торжественный ужин. Стол ломился от яств, но взоры нескольких старых генералов, сидевших рядом, были прикованы к Чжоу Юю. Столь молодой возраст и столь высокий пост — это вызывало у них жгучую зависть.

Чжоу Юй не обращал на них внимания, беседуя и выпивая лишь с теми, кто был ему близок. Лу Су, воспользовавшись случаем, прошептал ему:

— Глянь на Хань Игуна — и жены, и наложницы под боком. А такой статный и талантливый человек, как Гунцзинь, до сих пор без красавицы рядом. Печально.

Чжоу Юй усмехнулся:

— Кто бы спорил? Да разве красавицы на дороге валяются?

Лу Су, решив, что это добрый знак, добавил:

— Похоже, у тебя слишком высокие запросы. Обычные девушки не по нраву.

Чжоу Юй, приняв это за пьяную шутку, ответил:

— Мало тех, кому можно доверить сердечные тайны.

Лу Су снова подвел разговор к главному:

— В конце концов, ты единственный продолжатель рода Чжоу. Пора бы подумать о потомстве.

Тут Чжоу Юй понял, что Лу Су выступает посланником его матери, и с легким раздражением отмахнулся:

— Насильно мил не будешь.

Лу Су смутился, но поспешно добавил:

— Госпожа Чжоу просто хочет внуков. Тебе не обязательно влюбляться, достаточно просто продолжить род.

Чжоу Юю претило подобное отношение — использовать девушку без любви, совсем как Сунь Цэ использовал его самого. Но он не хотел корить Лу Су, ведь тот лишь выполнял просьбу его матери.

Чжоу Юй бросил взгляд на Лу Су:

— Давай оставим этот разговор, Цзицзин.

С приходом весны Сунь Цэ получил донесение: Юань Шу отозвал войска из Даняна, назначив туда нового префекта — Лю Яо. Под контролем армии Сунь сейчас находились Цюйя, Лоян, Лиян и Луцзян. Цюйя, где располагалось поместье Сунь, отдала под опеку отца Чжоу Юя, в Лояне оставили Чжан Чжао, в Лияне — Чэн Пу, а в Луцзяне — Хуан Гая.

Сунь Цэ давно мечтал вернуть Данян, который когда-то охранял его дядя, прежде чем город захватил Юань Шу. Воспользовавшись случаем, он форсировал набор людей и сбор провианта, готовясь в третьем месяце выступить на Данян и Хэнцзян.

В середине второго месяца, ранним утром, Чжоу Юй, навестив госпожу Сунь и свою мать, собрался вернуться к себе, чтобы изучать военные трактаты и обдумывать план осады. Проходя мимо внутреннего двора, он увидел Сунь Цюаня. Тринадцатилетний юноша уже постиг науки и боевые искусства — то, как он управлялся с клинком, до боли напоминало самого Сунь Цэ в юности.

Чжоу Юй остановился, наблюдая. Раньше и Сунь Цэ был таким — беззаботным молодым господином, что жил легко, читая книги и тренируясь. Теперь же он редко улыбался, вечно держал лицо строгим и суровым. Мир хаоса заставлял людей забывать о покое.

Сунь Цюань, заметив Чжоу Юя, прекратил тренировку, отдал оружие слуге и радостно подбежал к нему:

— Приветствую, брат Юй! Надеюсь, мои успехи не кажутся вам смешными.

Чжоу Юй мягко улыбнулся:

— Молодой господин Цюань, в столь юные годы вы так усердны. Будущее покажет, что вы превзойдете даже своего брата.

Сунь Цюань ответил:

— Когда отец был жив, он часто говорил, что брат почти превзошел его самого. Брат — наследник, я знаю, что мне далеко до его успехов, но всегда стремлюсь брать с него пример.

Чжоу Юй, вспомнив письмо госпожи Сунь, сказал:

— Не стоит себя недооценивать. Пройдет пара лет, и брат будет полагаться на вас.

Сунь Цюань просиял:

— Если так, для меня это будет великой честью!

Чжоу Хань напомнил, что Сунь Цэ прислал человека звать на военный совет, и Чжоу Юй поспешно простился:

— Не буду вам мешать, молодой господин.

Сунь Цюань вежливо поклонился:

— До встречи, брат Юй.

Вернувшись, Чжоу Юй застал Сунь Цэ на пределе терпения. Из-за того, что удалось собрать лишь две трети провианта, Сунь Цэ был раздражен:

— Где тебя носит? Я жаждался!

Чжоу Юй, вспомнив слова Лу Су и полагая, что оба семейства озабочены его женитьбой, полусуто-полусерьезно ответил:

— Господин нетерпелив, я пришел просить прощения.

Он уже хотел опуститься на колени, но Сунь Цэ поспешно подхватил его:

— Хватит балагана! Тут дела горят, а ты...

Чжоу Юй не купился на его редкую любезность и холодно произнес:

— Стоило мне опоздать, как господин уже готов от ярости сгореть. Если я совершу серьезную ошибку, вы меня прикажете казнить?

Сунь Цэ поспешно оправдался:

— Если бы не проблемы с провиантом, я бы так не волновался. Считаю, я неправ, ладно?

Чжоу Юй внезапно улыбнулся:

— Неужели господин разучился понимать шутки?

Сунь Цэ, решив, что Чжоу Юй больше не злится, расслабился и перешел к делу:

— Тебе легко шутить, а положение на фронте тяжелое...

— Какое тебе до этого дело?

Чжоу Юй ответил серьезно:

— Новый год только прошел, собрать запасы сейчас сложно. В Лияне дела обстоят так же, в Луцзяне позиции еще не укрепились. Если провианта совсем не хватает, стоит сократить численность войска на треть.

Сунь Цэ нахмурился:

— Но если мы сократим войско, хватит ли сил взять Данян и Хэнцзян?

Чжоу Юй хитро улыбнулся:

— Эту треть войска я пушу следом, в качестве засады. Остальным солдатам скажем, что нас изначально было меньше. Боясь поражения, они станут бережливее с припасами, и двух третей хватит. А Данян — город богатый, там и восполним запасы.

Сунь Цэ пришел в восторг от такого плана:

— Гунцзинь, ты невероятно умен! Никого равного тебе не найти.

Чжоу Юй улыбнулся:

— Господин решил проблему и может быть спокоен.

Внезапно его лицо помрачнело:

— Если у господина больше нет дел, я неважно себя чувствую и хочу отдохнуть.

Сунь Цэ увидел холод в его глазах и поспешно ретировался.

К третьему месяцу, когда зацвели персиковые деревья, армия Сунь выступила на Данян. Путь был далек и труден. Сунь Цэ занимался поднятием боевого духа, а Чжоу Юй — управлением войсками.

В апреле 195 года армия разбила лагерь у стен Даяня. За ужином Хань Дань похвастался:

— Господин, смотрите, стражи на стенах почти нет. Завтра к полудню я возьму город!

Сунь Цэ расхохотался и поднял кубок:

— Тогда я буду ждать добрых вестей от брата Игуна.

Город пал, и жители, страдавшие от гнета прежнего префекта, радостно приветствовали армию Сунь, как освободителей, даже принося подношения. Сунь Цэ включил остатки войск в свою армию, а не желавших подчиниться — казнил. Войдя в резиденцию префекта, он приказал Чжоу Юю начать подготовку к походу на Хэнцзян через полмесяца. Слуги в резиденции умоляли о пощаде, и Чжоу Юй намекнул господину, что стоит проявить милосердие.

Сунь Цэ отпустил служанок старше семнадцати лет домой, а остальных оставил приводить здание в порядок. Чжу Чжи был оставлен гарнизоном в Даяне.

После ужина Чжоу Юй вернулся в свои покои, а Сунь Цэ отправился к купальням и внезапно увидел у входа плачущую девушку. Он поправил одежду и спросил:

— Кто ты и почему плачешь?

Девушка подняла глаза — она была невероятно красива. Всклипывая, она ответила:

— Господин Сунь, я была служанкой. Мне девятнадцать, и ваш приказ гласил, чтобы девушки старше семнадцати вернулись к семьям. Но мои близкие погибли на войне, мне некуда идти...

Сунь Цэ огляделся, подумав: Неужели это очередная ловушка Лу Су? Следит ли кто-нибудь за нами?

В этот момент девушка бросилась к его ногам:

— Прошу, позвольте мне остаться! Я могу стирать, готовить, рубить дрова... мне не выжить одной на улице!

Сунь Цэ нахмурился. Он знал, что в это смутное время одинокая девушка либо умрет от голода, либо станет рабыней или того хуже. У него было доброе сердце, и он не мог поступить иначе:

— Хорошо, оставайся.

Девушка радостно поклонилась:

— Спасибо, господин!

Сунь Цэ велел ей идти, но та от долгого стояния на коленях не могла подняться. Сунь Цэ протянул руку, чтобы помочь, и в этот момент появился Чжоу Юй.

— У господина отличный вкус, — холодно заметил он. — Девушка будет сопровождать вас в купальне?

Сунь Цэ отдернул руку:

— Она просто...

Но девушка перебила его:

— Господин Сунь честен и благороден! Не смейте так думать, господин!

Чжоу Юй остался бесстрастен:

— Девушка шутит. Разве кто-то посмеет усомниться в господине? Раз вы заняты, я приду позже. Прощаюсь.

Он развернулся и ушел. Сунь Цэ бросился за ним. Перед тем как догнать его, он обернулся к девушке:

— Ступай в сад, во внутренние покои не заходить.

Догнав Чжоу Юя, Сунь Цэ преградил ему путь в коридоре:

— Почему господин, такой благородный, не идет купаться? Вы же устали!

Сунь Цэ был в ярости и в то же время смеялся:

— Девушке девятнадцать, ей некуда идти. Ты же знаешь, какой сейчас хаос — как можно выгнать её на улицу?

Чжоу Юй, не сдаваясь, парировал:

— В таком случае, пусть все сироты, пострадавшие от войны, приходят к вам.

Чжоу Юй попытался уйти, но Сунь Цэ вспыхнул, схватил его за ворот и прижал к колонне:

— Чжоу Гунцзинь! Она просила помощи, как я мог отказать? Неужели из-за этого ты готов разругаться со мной? Поступил бы ты иначе?

Чжоу Юй не успел отдышаться, как Сунь Цэ добавил:

— Даже если я возьму её в наложницы, тебе-то что?

Чжоу Юй широко открыл глаза. И ведь верно: кого брать в наложницы — дело самого Сунь Цэ. В эпоху хаоса мужчинам не нужно было спрашивать разрешения. И с какой стати он, чиновник, ревнует? Сунь Цэ никогда не говорил, что любит его.

Сунь Цэ отпустил его и тихо спросил:

— Гунцзинь, ты ко мне... может быть...

Чжоу Юй стиснул зубы и поклонился:

— Господин, не заблуждайтесь. Я лишь считаю, что для такого человека, как вы, достойная пара не должна быть бывшей служанкой. Я верен вам, поэтому и советую. Но если вы решили сделать её своей, я лишь поздравлю. У меня дела, прошу прощения.

Сунь Цэ смотрел ему вслед, его лицо было мрачнее тучи. Рядом тихо возник Лу Су.

— Не вижу я, чтобы Гунцзинь был ко мне привязан, — бросил Сунь Цэ. — Он стал еще холоднее. Ты не боишься, что твоя жизнь подходит к концу?

Лу Су, не моргнув глазом, ответил:

— Господин, дуду верен вам, как верный чиновник. Это повод для радости.

Сунь Цэ метнул в него яростный взгляд, и Лу Су поспешно предложил:

— Раз у господина уже есть то лекарство, почему бы не...

Сунь Цэ нахмурился:

— Еще не время...

В мае армия двинулась на Хэнцзян. Солнце уже припекало. Чжоу Юй приказал солдатам наплести вееров из ветвей деревьев, чтобы спастись от жары, и раздал их генералам. Сунь Цэ не мог не похвалить его:

— Ты всегда думаешь о том, что беспокоит меня.

Чжоу Юй поклонился:

— Заботиться о господине — мой долг.

Он не успел договорить, как выскочил Хань Дань:

— Господин, о чем это дуду говорит?

Сунь Цэ и Чжоу Юй вздрогнули. Сунь Цэ посмотрел на него с таким видом, словно спрашивал: Ну почему ты вечно лезешь под руку?

Битва за Хэнцзян истощила силы армии. Город был взят, но удержать его было сложно. Разведчики доложили, что войска Лю Яо уже близко.

В резиденции Сунь Цэ отдавал один приказ за другим, требуя подкреплений из Луцзяна. Его лицо было настолько суровым, что генералы попадали на колени:

— Господин, не гневайтесь, поберегите здоровье!

Они украдкой поглядывали на стоящего рядом Чжоу Юя, надеясь, что тот поможет успокоить господина, но Чжоу Юй даже не смотрел в их сторону, делая вид, что гнев Сунь Цэ его не касается.

<http://bllate.org/book/22340/2340638>